

окраска компонентов. Можно предположить, что в разных коммуникативных культурах данные компоненты будут по-разному репрезентировать окружающую действительность.

Литература

- 1 Боданов В В Функции вербальных и невербальных компонентов в речевом общении // Языковое общение Единицы и регулятивы Сб науч тр – Калинин, 1987
- 2 БЭС – Большой энциклопедический словарь – М, 1994
- 3 Донец П Н Теория межкультурной коммуникации специфика культурных смыслов и языковых форм Автореф дис д-ра филол наук – Волгоград, 2004
- 4 Колшанский Г В Паралингвистика – М, 1974
- 5 Раренко М Б Статьи по проблемам создания и трансляции невербальной коммуникации (обзор) // РЖ Сер. «Социальные и гуманитарные науки». 1999 – С 96–107
- 6 Серль Дж Р Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике 1986 – Вып 17
- 7 Штыкова Н В Молчание – Золото? Молчание как коммуникативно-прагматическая категория // Вестник ТюмГУ 1999 – С 93–99.
- 8 Salinger J D The catcher in the Rye – М, 1968

«ЦЕПНЫЕ РЕАКЦИИ» ВНУТРЕННИХ МОНОЛОГОВ (на примере романа О. Уайльда)

Е.Ю. Коренева
Белгород

При анализе текстов диалогического типа представляется уникальной возможностью проследить процессы порождения структуры их логико-семантических блоков, а также выявить специфику межблоковых (междиктемных) связей. Любой диалог, нацеленный на выявление некой истины, с каждым диалоговым шагом меняет представление коммуникантов не только о ситуации, но и о своей личности, что играет важную роль в протекании процессов самоидентификации.

Особенно интересна в этой связи лингвистика самоидентификации, языковые стратегии, средства, благодаря которым коммуницирующая сторона корректирует своё «я». В зависимости от неосознанного выбора языковых средств, человек может осознать себя либо продуктивно, либо непродуктивно, психологически приобретая статус «ведомого языком». Наиболее ярко данные процессы видны на примере диалогического образования типа *рассуждение*, являющегося переходным типом речи между монологом и диалогом.

Рассуждение является самой важной ступенью в самоидентификации, в понимании себя. Внутренний монолог героя имеет вид диалога с самим собой. В споре с потенциальным собеседником, при сопоставлении полярных мнений, легче прийти к решению, устраивающему себя (“ego”). Это является проявлением продуктивной автокоммуникации, при которой коммуникант для достижения коммуникативной цели, в целях самоубеждения использует определенные коммуникативные стратегии. Однако интуитивное пользова-

ние коммуникативными стратегиями, в зависимости от психологической деятельности коммуниканта, а также от его языковой компетенции ставит говорящего в полную или частичную зависимость от языка, что может снизить продуктивность автокоммуникации, в ряде случаев приводя к нежелательным последствиям. По нашему мнению, существует два полярных, крайних типа автокоммуникативных стратегий, не исключающих множества своих вариантов: продуктивного и непродуктивного. Пользуясь продуктивным типом, человек способен более полно реализовать положительное своей личности. В этой связи автокоммуникативные стратегии несколько тождественны лингвистическому аутотренингу. Неосознанно подчиняясь тактикам отрицательного типа, личность способна дойти до самоуничтожения.

Говоря с самим собой, автокоммуникант порождает определенный текст, строящийся по правилам логико-семантических (диктемных) блоков. Нам представляется интересным выявление связей этих блоков, того, благодаря чему один блок вызывает другой (и именно *данный*). Вскрытие природы подобных связей, их обоснование может привести к нахождению наиболее продуктивной автокоммуникативной стратегии, что обеспечит реализацию гуманистической составляющей исследования.

Анализ связей данного типа проводился нами на примере XX главы романа О. Уайльда «Портрет Дориана Грея», представляющей собой внутренний диалог-рассуждение и приводящий к самоубийству героя. Этот диалог – своего рода результат неправильного использования коммуникативных стратегий. Диалог оформлен по правилам внутренней не прямой речи, причем авторское оформление моделирует ситуацию. Диалог содержит восемь логико-семантических блоков.

По нашему мнению, логико-семантические блоки соединяются по принципу цепной реакции. Первый текстовый блок открывается инициирующей репликой, вызывающей ассоциативный ряд логически взаимосвязанных единиц, соответствующих активным промежуточным частицам в ядерных цепных реакциях. Внутри каждого текстового блока, помимо промежуточной частицы, существует несколько тоже ассоциативно связанных единиц более частного порядка, участвующих в построении самого блока.

Активная промежуточная частица первого блока семантически необходимо вызывает следующий текстовый блок и связывается с его активной частицей. Частицы выстраиваются градационно, развертывая логико-семантические блоки с определенной скоростью в определенном направлении. В данном процессе важную роль могут играть текстовые «катализаторы» или «ингибиторы». Рассмотрим предложенную схему построения логико-семантического диалогического единства на примере вышеназванного диалога-рассуждения.

Предпосылкой внутреннего диалога Дориана явилось замечание лорда Генри в предыдущей главе о том, что люди не меняются, а инициирующей репликой – фраза прохожего, указывающего на Грея: “That is Dorian Grey” (Wilde 1979: 341). Иницирующая реплика пробуждает воспоминания Дориана (“he remembered”). С этого начинается рефлексия героя. Дориан вспо-

минает, как раньше он получал удовольствие от того, что о нем говорили, на него смотрели и т. д. (“how pleased *he used to be*). Теперь он устал от этого (“*now*”). Противопоставление временных планов становится толчком для диалога героя с самим собой. Оказывается, Дориану нравится быть там, где никто не знает, каким он был раньше (“Half the charm of the little village where he had been so often lately was that *no one knew who he was*”). Дориан противопоставляет *себя-сейчас себе-тогда*. Первый логико-семантический блок построен на ассоциативной связи между словами *name – village – girl*, имеющими соответственные конкретизаторы *tired – the charm (was) – lost*. Соединяя эти слова, мы можем вкратце передать содержание первого текстового блока: Дориан устал слышать свое имя, единственное удовольствие для него теперь деревня, в деревне жила девушка, у которой было все, что герой потерял. Форма глагола *lost (had lost)* является активной промежуточной частицей первого блока, инициирующей второй блок. *Lost* вызывает частеречный вопрос *что? (what?)*, заставляя героя обдумать в ответ, что же он потерял. *Lost* ассоциативно связана с *unstained purity* (неиспорченной чистотой) юности, которая в свою очередь связана с *tarnished* (загрязнил) и *failure* (крах).

Failure представляет собой активную промежуточную частицу второго блока, вызывающую появление третьего блока, единицами которого являются градационно расположенные глаголы *loathed – ruined – spoiled* (проклял – разрушил – испортил). Следствием такого семантического нагромождения является, с одной стороны, убыстрение реакции в сторону полного разрушения личности и, с другой, стремление остановить «реакцию». В целях самосохранения герой использует слова-ингибиторы (отрицательные частицы, модальные глаголы), замедляющие реакцию и направляющие развитие текстовых блоков по новому пути. Он внушает себе “*not to think of the past*” (не думать о прошлом), говорит, что “*he had to think of his future*” (он должен думать о будущем), что он в *безопасности (safe)*. Однако отрицательная структура предложения «На самом деле вовсе не смерть Бэзила Холлуорда тревожила его» (“*Nor, indeed, was it the death of Basil Hallward that weighed most upon his mind*”) по парному принципу заставляя Дориана снова искать ответ на вопрос, *что же его волновало* – “*It was the living death of his own soul that troubled him*” (Wilde 1979: 343).

Living death является активной промежуточной частицей четвертого блока, так же по принципу парности, закономерно вызывающей пятый блок: “*A new life! That was what he wanted*” (Новая жизнь! Вот, чего он желал). Этот блок наполнен продуктивными глаголами, выстраивающимися в положительную градацию: *wanted – was waiting for – had begun already – spared – changed* (желал – ждал – уже начал – пощадил – изменился). В блоке обращает внимание построения с формой *would* “*He would never again tempt innocence He would be good*”, в русском языке представленные будущим временем (Он больше никогда не будет искушать невинность. Он будет хорошим). *He would be good* повторяется дважды, усиливая уверенность Дориана, но герой романа разрушает эту уверенность, употребляя в разговоре с собой модальные слова *perhaps* в двух утвердительных предложениях и *surely* в во-

просительном. Промежуточной активной частицей пятого блока, несмотря на его позитивную направленность, является сочетание *the hideous thing* (эта ужасная вещь [портрет]). Герой нуждается в подтверждении своих мыслей и идет в детскую комнату, чтобы посмотреть, изменился ли в лучшую сторону спрятанный там портрет.

На границе пятого и шестого блоков дается описание портрета, который не изменился в лучшую сторону, но, напротив, приобрел новые ужасные черты. Портрет начинает выступать в роли второго «реального» коммуниканта. Описание портрета — тот текст, который обращен к Дориану Греху. Говоря о несбывшихся надеждах героя, портрет играет роль текстового катализатора. Во-первых, Дориан психологически возвращается на позиции третьего логико-семантического блока, а во-вторых, с той минуты, как Дориан начинает диалог с портретом, цепная реакция построения текстовых блоков убыстряется. Глядя на портрет, стремясь убедиться в своей правоте и невиновности, Дориан задает себе (портрету?) риторические вопросы. С этого момента текст логически можно разделить по репликам двух персонажей:

1 “Confess? Did it mean that he was to confess?”

2 the idea was monstrous

1 “Yet it was his duty to confess, to suffer public’s shame, and to make public atonement. There was a God who called upon men to tell their sins to earth as well as to heaven. Nothing that he could do would cleanse him till he had told his own sin.”

2 His sin? (He shrugged his shoulders) < > it was an unjust mirror, this mirror of his soul that he was looking at. Vanity? Curiosity? Hypocrisy? Had there been nothing more in his renunciation than that? There had been something more < >

1 No. There had been nothing more. There had been nothing more. Through vanity he had spared her. In hypocrisy he had worn the mask of goodness. For curiosity’s sake he had tried the denial of self.

Данный спор с самим собой, построенный по вопросно-ответному типу, заканчивается самовнушением с акцентированием абстрактных существительных непродуктивного характера в инверсивных предложениях: «Из гордости он пощадил ее. Из лицемерия он примерил маску добропорядочности. Из любопытства он попытался отречься от своей сути». Обобщается это фразой “He recognized that *now*” (он всё теперь понял).

Активной промежуточной частицей шестого блока является слово *sin* (грех), связанное со словом *murder* (убийство) седьмого блока. Промежуточной частицей седьмого блока, приводящей к восьмому, является слово *evidence* (улика). В атмосфере непозитивных конструкций герой оказывается в неразрешимой ситуации. Ему требуется срочно что-либо сделать, чтобы изменить ее и начать думать по-другому. Он решает уничтожить портрет (совесть — текст о себе) и тем освободиться от *себя-в-прошлом*: “He would kill the past and when that was dead he would be free”.

Интересно, что если выстроить подряд активные промежуточные частицы блоков, получается цепь *lost — failure — living death — the hideous thing — sin — evidence* (потерял — крах — жизнь при смерти — отвратительная вещь — грех — улика). Таким образом, мы считаем, что в текстах, отражающих внутреннюю драму героя, всегда присутствуют слова-катализаторы, препятст-

вующие прекращению «цепной реакции» логико-семантических блоков определенной коммуникативной заданности, что важно учитывать в исследовании стратегий автокоммуникации.

Литература

1 Wilde O Избранные произведения – М, 1979 – Т 1

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В РЕКЛАМНОМ СЛОГАНЕ

А.В. Коршунова
Красноярск

Коммуникация в жизни современного человека в значительной мере связана с mass media и, в частности, с рекламой, в настоящее время перешагнувшей рамки экономической сферы. Будучи явлением прежде всего социокультурным, она отражает состояние культуры в обществе, образ жизни людей, формирует его и воздействует на него посредством широкого комплекса методов и приемов, демонстрирует современный, живой язык, является своеобразным зеркалом изменений в языке, что обуславливает необходимость изучения процессов, происходящих в современном текстовом пространстве. Иногда реклама идет впереди уже существующих норм языка, формируя новые образы и модели речевой коммуникации в процессе поиска максимальной эффективности воздействия, которые лишь позднее становятся неотъемлемым элементом языковой культуры.

В последнее время усиливается интерес к изучению закономерностей употребления ресурсов языка в различных областях рекламной коммуникации. Целью работы является попытка исследования особенностей функционирования языковой игры на материале жанровой разновидности рекламного текста – рекламного слогана, – ее взаимосвязи с эмоциональной эффективностью воздействия рекламного сообщения.

Специфика воздействия рекламы и ее восприятие потребителем тесно связаны с особенностями рекламного текста. Структурные компоненты рекламного сообщения представляют собой переплетение вербальной, визуальной и звуковой составляющих, тем самым обеспечивая единообразие в целях и средствах рекламы. «Множественность семиотических языков» (термин Г.Н. Почепцова), используемых в рекламном сообщении, создает множественность образов, возникающих в рекламе. Все структурные компоненты рекламного сообщения имеют собственное семантическое наполнение и, будучи взаимосвязанными, дополняют и расширяют эффект действия друг друга. Однако лингвистический компонент несет основную смысловую нагрузку, а одним из важнейших элементов рекламного текста и любой рекламной кампании является слоган, вместе с фирменным знаком и именем рекламируемого товара обеспечивающий единство формы и содержания рекламной кампании и называемый рекламной константой.